

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ СБОРКА СРЕД СТАРЕНИЯ

Константин Александрович Галкин
(Kgalkin1989@mail.ru)

Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Санкт-Петербург, Россия;
Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Галкин К.А. Онтологическая сборка сред старения. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 23(2): 67–86. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.3>

Аннотация. Рассматривается новый способ концептуализации старения как зависящего от материальных объектов и социальной жизни состояния людей, различающегося в различных средах, где находятся индивиды. Статья отвечает на вопрос о том, как создается старение в практиках взаимодействия пожилых людей с различными акторами-людьми и акторами-предметами в физической и социальной средах интерната и при проживании отдельно. На основании эмпирического исследования, которое проводилось в Республике Карелия в доме-интернате для пожилых людей и среди пожилых людей, проживающих отдельно, как в городе, так и в селе, рассматриваются различные кейсы и то, как в каждом из кейсов происходят сборки старения и какие при этом существуют субъективные смыслы старения в биографических интервью. Применяемая в исследовании теоретическая база и методология принадлежат к междисциплинарным исследованиям старения и раскрывают возможности междисциплинарного исследования старения и применения оптики STS и материального подхода. Автор предлагает посмотреть на старение как процесс, который создается и зависит от двух ключевых акторов — социальной жизни и материальных объектов, которые создают субъективные смыслы понимания старения у пожилых людей.

Ключевые слова: старение, сборки старения, дом-интернат для пожилых людей, пожилые люди проживающие отдельно, исследования старения, материальных подход, исследования науки и технологий (STS).

Для России характерен недостаток комплексных услуг, которые обеспечивают стабильность старения. Присутствует недоверие к услугам, предоставляемым как государственными домами-интернатами для пожилых людей, так и частными пансионатами. При этом стоимость проживания в частных пансионатах достаточно высока, и наличествуют они

далеко не везде, в основном в крупных городах. В связи с этим акцентируются различия между пожилыми людьми в уровнях дохода, который позволяет или не позволяет переехать в частный пансионат или обеспечить себя всем необходимым при отдельном проживании. Данные опросов Комитета гражданских инициатив (КГИ) свидетельствуют о том, что более половины пожилых людей России стремятся сегодня самостоятельно обеспечить свою старость, чтобы заниматься тем, чем они хотят: путешествовать, реализовываться в хобби (Синявская 2018).

Как показывают данные опросов КГИ, у многих пожилых людей есть опасения по поводу возможной потери навыков самостоятельного обслуживания. Их тревожит отсутствие родственников, которые могли бы ухаживать за ними в старости (Синявская 2018). В связи с этим при отсутствии необходимых ресурсов и средств, а также ввиду недоверия к формализованному уходу за пожилыми людьми как в государственных домах-интернатах, так и в частных домах у них возникают сложности, связанные с прогнозированием своей старости.

Следует учитывать региональные отличия в уровнях дохода пожилых людей. У жителей российской глубинки и отдаленных территорий не только ниже материальный доход, но и имеются сложности с доступом к качественному медицинскому и социальному обслуживанию. Удаленность ближайшего ФАПа или амбулаторий в сельской местности может превышать 10 км и более (Богданова 2019; Стародубов и др. 2014). Сегодня в России принимаются меры по оптимизации медицинского обслуживания, которые предполагают сокращение количества ФАПов, амбулаторий и других учреждений, где можно получить качественную медицинскую помощь, что ухудшает возможности доступа к такой помощи для пожилых людей, проживающих в сельской местности.

Старение как социальное явление приобретает новые смыслы. С одной стороны, для пожилых людей важно обеспечить себя всем необходимым, чтобы не нуждаться в помощи родственников или формализованных провайдеров заботы, с другой стороны, значимым остается сохранение или улучшение отношений с родственниками, которые в России выступают часто единственными агентами, предоставляющими заботу пожилым людям (Синявская 2006; Григорьева 2006; 2018; Голубева и др. 2008).

Существуют различные формы обслуживания пожилых людей, к примеру надомное или срочное обслуживание, досуговое обслуживание, развивающаяся сегодня форма обслуживания пожилых людей — приемная семья (Голубева 2017). Промежуточные формы обслуживания пожилых людей очень важны, и к пакетам социальных услуг прибегает 2,3 млн человек, а пансионатов и специализированных учреждений для

пожилых людей намного меньше. Жизнь в доме-интернате или пансионате для пожилого человека отличается от надомного обслуживания, жизни в приемной семье или проживания отдельно.

Пребывание в доме-интернате или пансионате — это жизнь в специально созданной, в чем-то комфортной среде (Шагидаева 2014). В данном исследовании я рассматриваю, как определяются субъективные смыслы старения пожилыми людьми, проживающими отдельно или в частном интернате. Ограничения работы заключаются в том, что не анализируются другие альтернативные варианты обслуживания, внимание сосредоточено только на пожилых людях, которые проживают в пансионате и отдельно в сельской местности.

Теоретико-методологические особенности исследования сборок сред старения в интернате и при отдельном проживании

Основой онтологии выступает понимание сущности бытия как континуального процесса, в рамках которого исследуется жизнь человека. Онтология в практике (*ontology-in-practice*) А. Мол основана на концепте ситуативных сущностей (Mol 2002). При этом сущности понимаются как гибридные объекты, которые возникают на пересечении потоков и сетей (Ло 2006: 31). В реальности не может существовать идеальных объектов, таких как, например, целое или неделимое, объекты гибричны и структурированы взаимодействиями различных акторов (Латур 2015: 222; Latour 2005).

Используя подход праксиографии, исследователь может рассмотреть, как акторы задействованы в создании таких объектов и какие гибридные объекты создаются в результате взаимодействий (Mol 2002: 45; Сивков 2015: 268). Множество практик создает реальности. Это множество становится ключевым фокусом исследователя. Реальности также множественны и изменяемы, со-конструируемы одна с другой. Реальности пожилого человека складываются из постоянных интеракций между людьми и предметами, которые разворачиваются в среде и определены временем (Елютина 2017; 2009; Ash 1996; Hörrner et al. 2019). Это позволяет говорить о сборках старения как явления, состоящего из различных акторов (Gilleard et al. 2015: 18; Twigg et al. 2013). Такой подход позволяет концептуализировать старение как объект с постоянно меняющимися и флюидными границами. Живые люди, как и предметы, со-конструируют гибридный объект старения, придавая ему различные грани.

В основе нового материального подхода в исследованиях возраста (*new materialist approach in aging studies*) лежит концептуализация старения как практики взаимодействий пожилых людей и предметов (Hörrner et al.

2018: 7; Höppner et al. 2019; Chapman 2006: 215; Artner 2018). Новый материальный подход к исследованиям возраста опирается на идеи Карен Барад и определяет старение как интрадействие. Этот неологизм К. Барад использует, для того чтобы описать, что понятие материального включено в рамки различных внутренних взаимодействий (Barad 2000; 2003: 802; Höppner et al. 2018; Irni 2013: 348). Акторы, определяющие старение и создающие представление о возрасте, возникают в постоянных интеракциях между людьми, пространствами, предметами (Höppner et al. 2018). В концепции К. Барад не выделяются зависимые, значимые или незначимые акторы, все акторы, собирающие процесс взаимодействий, являются агентами, так или иначе создавая мир как агентный реализм, в рамках которого существуют человек (Barad 2003: 808). Основным недостатком предложенной идеи агентного реализма выступает отсутствие четко структурированного поля или среды, где разворачиваются действия различных акторов. В теории К. Барад нет ограничений для пространства действий агентов, т.е. различные процессы, например старение, могут собираться и создаваться где угодно и везде, где это возможно. Агенты в этой концепции также разнообразны и охватывают практически весь диапазон деятельности людей (Barad 2003; 2007: 210). Отсутствие четкой фокусировки концепции на конкретных потребностях — это точки для размышлений о практической применимости подхода. Этнографичность идей агентного реализма не позволяет установить для этого подхода четкую и сфокусированную рамку анализа.

Одним из выходов, который предлагается в статье, может быть использование теории А. Гелена о ключевых потребностях человека (создании среды на основе этих потребностей) (Gehlen 2009). Теория предлагает концептуальную матрицу, объясняющую, что старение, как и любая другая стадия жизни человека, вписано в основные жизненно необходимые для людей явления. Используя теорию А. Гелена, можно описать старение как зависящее от двух протезов: социальной жизни, общения и взаимодействий с людьми и физической среды, предметами, которые создают удобство и комфорт для пожилых людей. Потребность в общении и потребность в оборудованном комфортном окружении — основные элементы, создающие физическую и социальную среду (Gehlen 1940; Руткевич 2001). Акторы, участвующие в сборках старения, становятся ограниченными конкретными рамками, а исследование подобных акторов — сфокусированным, нацеленным на описание старения исходя из составляющих социальной и физической среды. В исследовании используется средовой подход Таллиннской школы, который позволил проанализировать различные составляющие социальной и физической среды

в жизни пожилых людей в пансионате и при отдельном проживании (Нийт и др. 1985; Шабанов 2004). Именно в процессе анализа составляющих социальной и физической среды в исследовании рассматриваются особенности того, как пожилые люди живут в пансионате или отдельно и какие основные характеристики, составляющие социальной и физической сред оказываются наиболее важными и значимыми в подобных локациях?

Методология и эмпирическая база

Для того чтобы оценить степень вариативности влияния различных акторов на социальную и физическую среды, в исследовании рассматривались различные типы проживания пожилых людей: 1) проживание отдельно дома (без семьи и родственников); 2) проживание пожилых людей в частном интернате. Основным методом исследования — биографические интервью с пожилыми людьми и полуструктурированные интервью с персоналом интерната. Выборка исследования строилась на основе изучения максимально контрастных кейсов. Так, в выборку вошел частный интернат, находящийся в крупном городе регионального значения (Петрозаводск), и села Карелии, где наблюдается инфраструктурный дефицит, отсутствуют газоснабжение, водоснабжение, канализация, есть проблемы с транспортным обеспечением, нет магазинов, а ближайший ФАП расположен на удалении 20 километров. Такая выборка позволяет учитывать различия как в типах акторов, собирающих материальную и социальную среды, так и в отношениях между различными акторами. В ходе исследования было собрано 20 биографических интервью с пожилыми людьми (по 10 в каждом кейсе) и 16 интервью с сотрудниками интерната и волонтерами. Также применялись методы наблюдения и go-along с пожилыми людьми (144 часа). Метод go-along позволил рассмотреть взаимодействия пожилых людей с различными акторами и отразить и проанализировать подобные взаимодействия (Kusenbach 2003; Bergeron 2014).

Сборки социальной и физической сред старения

Для администрации и сотрудников интерната социальная и физическая среда для пожилых людей включают в себя следующие основные акторы: слабеющее и больное тело пожилого человека; медицинские документы, которые юридически определяют статус стареющего индивида; проблемы в семье (лишение собственности родственниками и/или отсутствие у родственников средств для содержания пожилого человека). Эти акторы определяют старение как состояние немощности, и для сотрудников интерната становится очевидной необходимость в институциональном уходе,

т.е. в передаче пожилого человека во властные отношения, которые создают комфортную физическую (беспроблемные перемещения пожилых людей по интернату, соответствующее медицинское лечение) и социальную (комфортное общение пожилых людей) среду.

Таким образом, ключевой характеристикой социальной и физической среды в понимании персонала домов-интернатов выступает комфорт (удобство), связанный со следующими акторами:

- удобная инфраструктура;
- наличие занятий и хобби, которые помогают пожилым людям не чувствовать себя одинокими и включаться в социум;
- подопечные интерната;
- персонал интерната.

Для подопечных интерната подобная сборка социальной и физической сред выступает как ущемляющая, подавляющая агентность и возможность принимать решения во властных отношениях с акторами — людьми и предметами. Медицинские представления о немощности и хрупкости и, следовательно, слабеющее тело, для которого необходимы комфорт и безопасность, не играют значимой роли для подопечных учреждения, в то время как важной выступает возможность делать что-то самостоятельно, без участия санитарок и волонтеров, обладать своими предметами.

Отсутствие мягких игрушек, невозможность распоряжаться своим бельем так, как хочется (например, самостоятельно застелить свою постель), жесткий, регламентированный режим интерната, невозможность посмотреть телевизор, когда это необходимо, — все это играет важную роль в описании подопечными учреждения своей повседневной жизни. Физическая и социальная среды характеризуются ими как подавляющие агентность: *Для меня это как куклолка и как домик и медведь, все в одном. Здесь мне игрушки не нравятся, они какие-то странные и страшные, а это все мое родное (ж., 75, интернат); Если бы жил я у себя в квартире, то мог легко и просто куда-то пойти и погулять, и все бы было хорошо. А здесь нас держат взаперти, как в клетках, и ничего вообще не сделаешь. Только одна отдушина — когда книги читаю. Бродского, Пушкина, Тургенева. Просто снова чувствую себя молодым и жизнерадостным и молодость вспоминаю. Это прекрасно! (м., 80, интернат).*

Личные предметы и независимые от персонала пансионата взаимодействия с ними становятся основой для понимания комфорта пожилыми людьми. Комфорт как составляющая институционально собранной среды интерната означает для его подопечных наличие возможности изменять график и режим жизни, а также самостоятельно распоряжаться своими предметами по своему усмотрению.

Для персонала интерната такая трактовка реальности неприемлема, что обусловлено особенностями властных отношений и попыткой нормализовать взаимодействие пожилых людей и окружающих их предметов. Например, одна из информанток — жительница интерната образно воспринимала различные предметы грязной одежды. Они становились для нее новыми творениями и воспринимались как придуманные образы. Различия в сценарной и нормативной модальностях объекта вызывали крайнее недовольство сотрудников интерната и постоянные замечания с их стороны, в том числе с повышением тона: *Она что ни день, то трусы грязные под кровать прячет, то носки или рубашку, ну невозможно уже, я устала даже объяснять! Сколько раз можно говорить, что это одежда, а не игрушки!* (волонтер интерната).

В сборках сред старения волонтерами и сотрудниками интерната отсутствовало понимание необходимости своих вещей для подопечных. Старение в представлениях сотрудников интерната связано с тем, что пожилые люди должны четко соблюдать регламентированный режим, не нарушая его. Пространства для возможного владения своими предметами по собственному усмотрению и игры с предметами ограничивались, как правило, творческими занятиями, уроками лепки и рисования. Как отмечали работники интерната, такие занятия помогали задействовать подопечных, во время подобных занятий у пожилых людей происходили прямые контакты с вещами, которые их окружали. Иные контакты воспринимались как ненужные: *Мое мнение такое: здесь, в интернате, важнее всего режим. И мы никогда здесь не держим, все свободные люди, но при этом необходимо соблюдать график. У нас есть и занятия для души, и творческие занятия, чтобы подопечные не засиживались за телевизором, есть также занятия по изготовлению различных поделок. Такой обширный спектр, но всему свое время! И когда время спать, то надо идти и ложиться спать* (ж., 45, администратор интерната).

Подобная нормализация взаимодействия всех основных акторов — людей и предметов, необходимых для комфортного переживания старости, коррелирует в восприятии сотрудников учреждения с негативными представлениями о возрасте подопечных. Сценарий игры-рисования (а именно как игру воспринимают и описывают такую практику в доме-интернате и волонтеры, и педагоги) всегда строго задан и регламентирован: *Вот говорю: сегодня будем рисовать снегирей на ветке. Там эти птицы будут сидеть. И так каждое занятие: нужно придумывать четкий сюжет, говорить им, смотреть за ними и наставлять, как в школе, в первом классе* (ж., 34, преподаватель интерната).

Однако, наблюдая за таким занятием в интернате, несложно заметить явное неприятие подобной практики пожилыми людьми: *Ненавижу эти рисунки, просто ненавижу! Дала бы что-то свое сделать и слепить, может быть, вырезать, и все было бы отлично и прекрасно, но, когда вот так вот тебя приведут, посадят и скажут «Рисуй!», это ужасно, я вам скажу...* (ж., 74, интернат) (из наблюдения за уроком рисования. Дневник наблюдения 17.11.2019).

Информантку, которая так описала уроки рисования, на занятиях по рисованию обычно пытались поправить и объяснить ей, каким образом должен выглядеть снегирь или другой изображаемый объект, но это было напрасно. Как говорила сама учитель рисования, позднее от этой практики пришлось отказаться в принципе.

В данном примере хорошо заметен разрыв между сценарной и нормативной модальностью предмета, в частности рисунка. Для пожилого человека важна возможность изобразить на рисунке то, что ему хочется, а не то, что диктует строгий педагог, ведущий себя подобно учителю средней школы. При этом сценарий рисования, который изначально, как кажется преподавателю, задан самим уроком, на практике оказывается не заданным. Для жителей интерната существенна возможность самостоятельно изобразить объект в соответствии со своими мыслями и собственной идентичностью, определяемой всей прошлой жизнью. И в данном случае властные отношения, попытка лимитировать прямые отношения во время творческого занятия — рисования, нежелание предоставить подопечным интерната право самостоятельно распоряжаться своим рабочим столом и идеями встречают сопротивление у самих подопечных. В таком случае соблюдение сценария взаимодействия всех акторов — людей и предметов, обусловленное властными отношениями между этими акторами в интернате, создает негативное восприятие возраста у подопечных и понимание ими того, что отсутствие самостоятельности служит прямым указанием со стороны обслуживающего персонала на старость и неспособность.

Взаимодействия с акторами-людьми у пожилых людей в интернате также образуют две разные реальности старения. Для персонала интерната определенное значение имеет создание такого сообщества пожилых людей и такого окружения, в которых подопечные смогут общаться в рамках заданного режима и на знакомые, а следовательно, «комфортные» темы.

Для пожилых людей подобная сборка социальной среды акцентирует внимание на слабеющем теле и отсутствии права выбора, как и отсутствию активности, итогом чего становится создание всевозможных ограничений и препятствий в общении. Отсутствие возможности субъективного

выбора для пожилых людей снижает получаемый ими от общения комфорт. Например, невозможность общаться с теми людьми, с которыми пожилые люди хотели бы взаимодействовать, всегда воспринимается достаточно негативно: *Раньше, когда я жила, помню, у себя, еще здесь, недалеко, на Куковке, вот, помню, это были времена! Все было тогда так легко и просто! Было много друзей, знакомых, соседей, и можно было общаться непринужденно, так общаться, с кем пожелаешь. А теперь что это, разве жизнь? Нет, конечно! Здесь из людей только санитарки, уборщицы, волонтеры, ну еще иногда приходит моя сестра. Редко приходит, а я очень рада. В общем так вот жизнь пролетает, и не с кем общаться, и чувствуешь себя одинокой, сидя здесь в четырех стенах (ж., 81, интернат).*

Безопасность, которая выступает второй важной институционально созданной характеристикой физической и социальной среды в доме-интернате, рассматривается исходя из ее сборок в сочетании с такими акторами-предметами, как медицинские документы, фиксирующие диагноз, инструменты, медицинские процедуры, которым подвергаются подопечные, и такими живыми актерами, как персонал интерната, санитарки и врачи. Значимыми в таком сочетании акторов выступают: 1) отсутствие прямых контактов с ними; 2) властный, а следовательно, «навязанный» характер отношений с этими актерами и их включение в повседневные практики. Это может создать у пожилого человека субъективное представление о небезопасности интерната, обусловить отсутствие комфорта и доверия и к социальной, и к физической среде, созданным институционально: *Не знаю, какие они мне дают желтые таблетки, но это все вызывает сомнения... Никому здесь не доверяю, потому что здесь все очень подозрительно. Это не семья, а чужие люди, которые только и хотят тебя отравить (ж., 87, интернат).*

Эти два типа акторов образуют социальную среду, созданную властными отношениями и ограничивающую для подопечных прямые контакты с людьми. Формируется сборка сред, в рамках которой старение рассматривается как немощное состояние, объединяющее в себе слабеющее тело и необходимость комфортной и удобной, созданной институционально среды. Исходя из этого создается распорядок дня и режим интерната, а также продуцируется отсутствие стресса, который расценивается сотрудниками и администрацией интерната как негативный фактор. В то же время подопечными интерната социальная и физическая среда, собранная институционально, рассматривается как не гарантирующая ни комфорт, ни безопасность.

Ключевыми характеристиками социальной и материальной среды в интернате для подопечных выступают агентность (возможность само-

стоятельного выбора сборок своих сред исходя из наличия необходимых предметов и живых акторов) и защищенность. Защищенность не равна безопасности, которая присутствует при институциональных сборках сред и характеризуется тем, что подопечные интерната становятся защищены от влияния внешней среды, например от плохих отношений с родственниками, проблем при обращении к врачу (вызове скорой помощи, если это необходимо при резком ухудшении здоровья).

Рассматривая кейс интерната, следует отметить, что акторы-предметы выполняют роль структурообразующих, создающих демаркационные линии в общении, лимитирующих контакты пожилых людей и ограничивающих пространства интерната, в которое вписаны и социальная, и физическая среда. Очень условно появляется возможность говорить о том, что сборки этих сред *пространственные*, т.е. в рамках подобной сборки институционально созданная среда и институционально включенные в эту среду предметы и люди образуют единое целое в рамках особых регламентированных институциональных отношений в интернате.

Основным маркером отнесения возраста пожилого человека к старости является слабеющее тело, лишенное агентности и возможностей самостоятельно принимать решения и выбирать условия жизни. Именно вокруг тела как объекта медицинских манипуляций, нуждающегося в создании комфортной среды, как социальной, так и физической, строится пространство интерната. Для пожилых людей важным фактором в сборке сред выступает понятие агентности, независимости от институциональных акторов — предметов и людей.

В социальной и физической средах пожилых людей, которые проживают отдельно, имеется больше возможностей распоряжаться вещами. В интервью информанты нередко говорили, что предметы, окружающие пожилого человека, выступают «помощниками», «важными вещами» или связаны с приятными воспоминаниями, если эти предметы приобретены самостоятельно и субъективны для пожилых людей, а также если с этими предметами существует прямой контакт. В интернате у пожилых людей практически нет своих вещей и, как правило, набор из своих вещей для подопечных интерната включает в себя предметы личной гигиены, иногда игрушки и одежду (эти вещи обычно привозят родственники или передают волонтеры). При проживании отдельно прямой контакт у пожилых людей существует с большинством предметов: *Так вот с утра до ночи что делаю? Ну, на улицу выйдешь, если нет дождя. А так вот все время и смотрю телевизор, много плохого и черного говорят по ящику, но, пожалуй, это единственная моя отдушина сейчас* (м., 76, Карелия, село).

В сборке сред старения для пожилых людей, проживающих отдельно, в отличие от пожилых людей, проживающих в интернате, важным становится ситуативное использование вещей и различные вариации в их использовании, которые все вместе создают как позитивное, так и негативное представление о старении. Предметы из прошлого, связанные с воспоминаниями и переживаниями, представляющие собой особую символическую ценность, как и те предметы, которые приобретаются самостоятельно пожилыми людьми, организуют сборки сред множественными и разнообразными способами, зависимыми от различных ситуаций. Если для интерната характерна сборка, где важнейшим актором выступает слабеющее немощное тело с точки зрения представления о комфорте и безопасности у сотрудников интерната, то в сборках пожилых людей, живущих дома, основное значение отводится именно социальной среде.

При проживании отдельно и физическая, и социальная среда многогранны и ситуативны. Следует говорить о множественности подобных сред и размытости их пространственных границ. Также если для интерната характерна устойчивая сборка сред, а любые девиации рассматриваются как нарушения режима, которые должны быть минимизированы и приведены в «порядок», то сборка сред в рамках проживания отдельно представляет собой ситуативно возникающие сочетания акторов — людей и предметов, создающих среды на месте, но не ограничивающих их пространством: *Так бы все ничего, но вот так вот ходить по дорогам плохим здесь — это, конечно, очень сложно бывает. Потому что, когда свет отключают, и не видно ничего, и сложно. Да еще и осень трудности создает, вот тогда все это на себе сразу ощущаешь, и бывает крайне тяжело здесь жить. А летом, если огород или там родственники приедут, то нет, все становится каким-то другим — простым и легким* (м., 68, Карелия, село).

Характеристики, которые оказываются важны при сборках сред, как физической, так и социальной: агентность (возможность самостоятельно себя обслуживать и быть независимым от родственников и семьи) и индивидуальный комфорт (возможность самостоятельно планировать и подстраивать режим под свои нужды и самостоятельно организовывать и физическую, и социальную среду старения).

Итак, в чем отличия соотношения акторов сборок старения для пожилых людей, проживающих отдельно и в интернате? В обоих случаях относительно разные акторы — люди и предметы образуют разные реальности. Для интерната характерны среды, в которых все акторы собраны воедино и находятся в достаточно тесной связке друг с другом, образуя определенное пространство, где происходит старение. Для пожилых людей, проживающих в своих домах, среды старения ситуативны и не явля-

ются жесткими. В интернате среды очерчены пространственно и собираются в повседневности из одних и тех же акторов, в то время как для пожилых людей, живущих в своих домах, сборки сред старения всегда зависят от ситуации и включения в подобные сборки различных акторов, также связанных с различными ситуациями.

В условиях интерната среды старения собирает не сам человек, а различные стейкхолдеры, которые диагностируют старость как состояние, включая в его понимание наборы из различных акторов. Для сборки старения в интернате важным выступает главенство институционального типа акторов. Пожилые люди, проживающие отдельно, обладают возможностью самостоятельно регулировать старение и моделировать социальную и физическую среды, в которых происходит старение. Особенностью сборки сред для пожилых людей, которые живут отдельно, выступает зависимость от таких институциональных акторов, как инфраструктура и инфраструктурный дефицит, врачи в поликлинике или ФАПе и др. Подобные акторы, создавая иную реальность старения, лишённую активности, создают сборки физической и социальной сред, при которых возраст связан со слабеющим телом и немощностью.

Социальная активность и среды старения

Основным отличием сборок старения пожилых людей, проживающих отдельно, выступает их ситуативность и возможность самостоятельно моделировать различные сочетания акторов людей и предметов. Социальная активность заключается не только в самостоятельном решении собственных проблем, но и в помощи другим людям — участие в волонтерстве (у двоих информантов) и в соседской неформальной помощи. Наиболее значимым актором, который упоминался в интервью, является семья. Именно наличие семьи и возможность видеться с ней способствовали и социальной активности пожилых людей, и более легкому восприятию ими проблем, связанных с институциональными акторами-предметами, например инфраструктурным дефицитом, связанным с отсутствием плохих дорог в селе. Информанты отмечали, что при общении с родственниками вновь чувствуют себя активными и вовлечёнными в социальную жизнь, как раньше: *Конечно, я понимаю, что и здесь тысяча проблем. Вот из окон дует, печка уже плохо топит, но все равно, пока есть силы, есть внуки и есть ради кого жить, я не хочу себя называть старой. Старость приходит и уходит, а радость от общения все равно остается, и это, наверное, самое важное сейчас для меня* (ж., 83, Карелия, село).

Информантами, живущими отдельно, высказывались субъективные оценки взаимодействия и коммуникации с родственниками. Такое обще-

ние воспринималось ситуативно и в зависимости от различных ситуаций, поскольку у ряда пожилых людей были сложности во взаимодействии с членами семьи. У них могло возникнуть нежелание общаться со своей семьей, которое достаточно быстро под влиянием каких-то факторов могло измениться в желание общения с родными. Например, одна из информанток рассказывала, что на нее поднимала голос дочь, при этом она рассматривала подобное поведение дочери как неуважение к себе. Для информантки данная ситуация стала отправной точкой в восприятии своего возраста и старости: *Вот сейчас вот, например, ненавижу. Дочка звонила и вся уставшая там у себя, вся в делах. Ну и соответственно накричала на меня, и в общем я хожу как в воду опущенная. Потому что, если честно признаться, я ненавижу к себе подобное отношение. Все-таки вот именно в такие моменты ты и начинаешь задумываться, что, может быть, совсем уже старая и немощная, и нечего тебе делать-то здесь, на этом свете* (ж., 78, Карелия, село). Таким образом, плохое отношение со стороны родственников, намеки на немощность, телесные проблемы и нездоровье способствуют пересмотру активной реальности старения, когда стремление к активности и социальной вовлеченности, а также к людям, с которыми пожилой человек общается, вытесняется проблемами слабеего и большого тела. Результатом становится потеря пожилым человеком активности.

Однако в интервью информанты подчеркивали, что тем не менее социальная активность и субъективно сформированные физическая и социальная среды старения позитивно влияют на образ возраста и минимизируют проблемы инфраструктурного дефицита, ключевые для пожилых людей, проживающих отдельно в сельской местности. То есть именно люди и социальная активность — это ключевые компоненты, заставляющие пожилых людей менее негативно воспринимать проблемы неудобной и некомфортной физической среды. Можно говорить о том, что субъективно собранная социальная среда пожилых людей, проживающих отдельно, способствует переоценке среды физической, а комфортность и агентность, проявляемые в социальной среде, минимизируют сложности, которые связаны с инфраструктурным дефицитом и проблемами в физической среде, например трудностями с передвижением и отсутствием регулярного транспортного сообщения.

Реконструируя субъективные смыслы старения, я определил, что возможность трансформировать и изменять свою среду — одна из ключевых возможностей для пожилых людей. Следует сказать о корреляции, которая устанавливается между физической и социальной средами в зависимости от проживания пожилых людей в интернате или отдельно. Наполненная

субъективными акторами — людьми и предметами социальная среда жизни пожилых людей способствует тому, что в их восприятии минимизируются проблемы физической среды и связанные с этими проблемами инфраструктурного дефицита. Таким образом, проблемы и акторы, которые собирают физическую среду для пожилых людей, проживающих отдельно, становятся менее значимыми. Рассматривая влияние различных акторов на желание пожилых людей остаться в интернате или, наоборот, переехать в интернат, я увидел, что именно акторы-люди и взаимодействие с ними влияют на желание как собрать социальную и физическую среды по-другому, так и переехать в интернат или остаться дома. Старение дома при этом выступает как предпочтительное, и у людей, стареющих дома, редко появляется желание переехать в интернат, поскольку дома существует возможность субъективных сборок старения, важная для пожилых людей.

Заключение

Предпринятая в исследовании попытка рассмотрения старения как явления, зависящего от различных сред, создает возможности выделения различных акторов-предметов и акторов-людей, которые должны быть включены в процесс понимания и осмысления старения как исследовательского объекта. Появляется возможность описывать процесс старения как процесс, который происходит в социальной и физической средах. Такое рассмотрение старения позволяет избавиться от исследовательских ограничений, связанных с культурным конструированием этого состояния или с его биологической детерминированностью, и изучать возраст как создаваемый самой ситуацией и акторами, присутствующими в конкретном пространстве и в конкретные периоды времени.

Возвращаясь к исходным вопросам статьи о том, как различные акторы собирают различные среды старения и как они влияют на проживание пожилых людей в интернате или дома, следует отметить, что в зависимости от отношений и доминирования тех или иных акторов собираются различные физические и социальные среды старения, имеющие многообразные особенности и характеристики. Основным условием сборок сред старения выступает пространство. Для пожилых людей, проживающих в интернате, социальная и физическая среды характеризуются пространственными ограничениями и ограничениями в общении. Институционально созданные на основании сочетания различных акторов комфорт и безопасность не являются таковыми с точки зрения субъективных смыслов пожилых людей, проживающих в интернате.

При проживании отдельно важным становится ситуативность сборок пожилыми людьми и социальной и физической сред. Еще одной значимой характеристикой выступает сбалансированная и созданная индивидуально социальная среда, в которую включены все необходимые акторы-люди, создающие комфорт для пожилых людей. Таким образом, проанализировав две среды в разных локациях проживания пожилых людей, я могу отметить, что наибольшее влияние на утрату пожилыми людьми агентности оказывают именно пространственные ограничения среды, как социальной, так и физической, и попытки поместить пожилых людей в определенные пространства без возможностей самостоятельно принимать решения и самостоятельно собирать свои среды старения.

Что касается влияния различных акторов на желание пожилых людей жить дома, переехать в интернат или уехать из дома-интерната, то стоит отметить преимущественное воздействие социальной среды и акторов-людей. Именно неудовлетворенность пожилых людей социальной средой интерната и акторами-людьми, которые действуют в этой среде, приводит к желанию сменить и социальную, и физическую среду и проявлять агентность в рамках создания подобных сред. Для пожилых людей, проживающих в своих домах, важным фактором в формировании желания продолжать жить дома являются сбалансированная социальная среда и субъективный тип акторов — людей и предметов, с помощью которых создаются особые комфортные условия. Отсутствие подобных условий приводит к желанию сменить среды старения и переехать, например, в интернат или в семью, к родственникам. Таким образом, важнейшим фактором в выборе для старения пространства своего дома или интерната является среда, в рамках которой происходит старение.

Несмотря на то что исследование преследовало скорее концептуальные, чем узкоспециализированные задачи, определение старения, представленное в статье, может быть полезным также для специалистов-практиков в области социальной работы, социальной политики, а также для критических геронтологов. Одной из существенных проблем сегодняшней социальной политики возраста как практической сферы в России и в других странах выступает идея важности социальной включенности пожилых людей в жизнь социума. Для этого существуют различные модели, в том числе живо критикуемая концепция активного старения (Rowe et al. 1997). В рамках проделанной работы можно отметить, что рассмотрение различных реальностей старения, возникающих в различных средах, позволяет комплексно проанализировать проблемы социального исключения пожилых людей.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке стипендиальной программы Oxford Russia Fellowship 2019–2020 гг.

Литература

Богданова Е. (2019) *Режим заботы о пожилых маломобильных людях в периферийных поселениях: успехи и неудачи в преодолении социального исключения*. Бороздина Е., Темкина А., Здравомыслова Е. (ред.) Критическая социология заботы. СПб.: Изд-во ЕУСПб: 277–310.

Голубева Е.Ю., Данилова Р.И., Кондратова Е.А., Коскинен С. (2008) Взаимодействие и ответственность семьи и государства по уходу за пожилым человеком в России и Финляндии: кросскультурный контекст. *Клиническая геронтология*, 14(5): 3–10.

Голубева Е.Ю., Хабарова Л.Г., Соловьев А.Г. (2017) Приемная семья как новая технология ухода в политике активного старения в отдаленных северных территориях. *Экология человека*, 11: 42–46.

Григорьева И.А. (2006) Социальная политика и пожилое население в современной России: вызовы и возможности. *Мир России. Социология. Этнология*, 15(1): 29–49.

Григорьева И.А. (2018) Смена парадигмы в понимании старения. *Журнал исследований социальной политики*, 16(1): 5–6.

Елютина М.Э. (2009) Пожилые люди и старые вещи в повседневной жизни. *Социологические исследования*, 7: 101–109.

Елютина М.Э., Трофимова О.А. (2017) Одинокое проживание и переживание одиночества в позднем возрасте. *Журнал исследований социальной политики*, 15(1): 37–50.

Латур Б. (2015) *Пастер: война и мир микробов, с приложением «Несводимого»*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт Петербурге.

Ло Д., Вахштайн В. (2006) Объекты и пространства. *Социологическое обозрение*, 5(1): 30–42.

Нийт Т., Хейдметс М., Круусвалл Ю. (ред.) (1985) *Социально-психологические основы средообразования*. Таллин: Эстонское отделение Общества психологов СССР.

Руткевич А.М. (2001) Теория институтов А. Гелена. *Социологическое обозрение*, 1(2): 4–25.

Сивков Д.Ю. (2015) Такой разный атеросклероз. *Социология власти*, 27(1): 267–277.

Синявская О. (2018) *Старение как социально-экономический феномен*. Доклад. М.: КГИ.

Синявская О.В. (2006) Российские пенсионеры: в чем их бедность и уязвимость? *SPERO*, 4: 66–91.

Стародубов В.И., Щепин О.П. (2014) *Общественное здоровье и здравоохранение: национальное руководство*. М.: ГЭОТАР-Медиа.

Шабанов Л.В. (2004) Средовой подход в психологии и его роль в формировании толерантных экологических пространств. *Сибирский психологический журнал*, 20: 71–75.

Шагидаева А.Б. (2014) Эмоциональная сфера в старости: возрастные и региональные различия. *Психологическая наука и образование*, 6(2): 102–115.

Ash J. (1996) Memory and objects. In: P. Kirkham (ed.) *The gendered object*. Manchester, UK: Manchester University Press: 219–224.

Barad K. (2000) Reconceiving scientific literacy as agential literacy. In: Reid R., Traweek Sh. (eds.) *Doing Culture + Science*. London: Routledge: 221–258.

Barad K. (2003) Posthumanist performativity: Toward an understanding of how matter comes to matter. *Signs: Journal of women in culture and society*, 28(3): 801–831.

Barad K. (2007) *Meeting the universe halfway: Quantum physics and the entanglement of matter and meaning*. Durham, North Carolina: Duke University Press.

Bergeron J., Paquette S., Poullaouec-Gonidec P. (2014) Uncovering landscape values and micro-geographies of meanings with the go-along method. *Landscape and Urban Planning*, 122: 108–121.

Chapman S.A. (2006) A 'new materialist' lens on aging well: Special things in later life. *Journal of Aging Studies*, 20(3): 207–216.

Gehlen A. (2009) *Der Mensch. Seine Natur und seine Stellung in der Welt*. Wiebelsheim: AULA.

Gilleard C., Higgs P. (2015) Aging, embodiment, and the somatic turn. *Age, Culture, Humanities: An Interdisciplinary Journal*, 2: 17–33.

Höppner G., Urban M. (2018) Where and how do aging processes take place in everyday life? Answers from a new materialist perspective. *Frontiers in Sociology*, 3(7). Doi: 10.3389/fsoc.2018.00007.

Höppner G., Urban M. (2019) Materialities of age and ageing. *Frontiers in Sociology*, 4(14). Doi: 10.3389/fsoc.2019.00014.

Irni S. (2013) The politics of materiality: Affective encounters in a transdisciplinary debate. *European Journal of Women's Studies*, 20(4): 347–360.

Kusenbach M (2003) Street phenomenology: The go-along as ethnographic research tool. *Ethnography*, 4(3): 455–485.

Latour B. (2005) *Reassembling the social: An introduction to actor-network-theory*. Oxford: Oxford University Press.

Mol A. (2002) *The body multiple: Ontology in medical practice*. Durham, Nord Carolina: Duke University Press.

Rowe J.W., Kahn R.L. (1997) Successful aging. *The gerontologist*, 37(4): 433–440.

Rutherford B.R., Taylor W.D., Brown P.J., Sneed J.R., Roose S.P. (2017) Biological aging and the future of geriatric psychiatry. *Journals of Gerontology Series A: Biomedical Sciences and Medical Sciences*, 72(3): 343–352.

Twigg J., Buse C.E. (2013) Dress, dementia and the embodiment of identity. *Dementia*, 12(3): 326–336.

ONTOLOGICAL ASSEMBLY OF AGING ENVIRONMENTS

Konstantin Galkin
(Kgalkin1989@mail.ru)

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences,
a Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia;
European University at Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia

Citation: Galkin K. (2020) Ontologicheskaya sborka sred stareniya [Ontological assembly of aging environments]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 23(2):67–86 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.3>

Abstract. The article considers a new way of conceptualizing aging as a condition of people that depends on material objects and social life and differs in different environments where individuals are located. The article answers the question of how aging is created in the practices of interaction of older people with various actors, people and objects in the physical and social environment of a boarding school and when living separately. Based on an empirical study that was conducted in the Republic of Karelia in a residential home for the elderly and among elderly people living separately, both in the city and in the village, the article examines various cases and how each of the cases is the process of aging and what are the subjective meanings of aging in biographical interviews. The theoretical basis and methodology used in the study belongs to the interdisciplinary research of aging and reveals the possibilities of interdisciplinary research of aging and the application of STS optics and the material approach. The author suggests looking at aging as a process that is created and depends on two key actors — social life and material objects that create subjective meanings for understanding aging of elderly people.

Keywords: aging, aging systems, residential care for the elderly, elderly people living separately, aging research, material approach, research of science and technology (STS).

Funding

The study was supported by the fellowship program of the Oxford Russia Fellowship 2019–2020. The research project: Population aging: environment vs. community. <https://ssl-research.org/member/galkin/#1581159829692-34a399f5-6069>.

References

- Ash J. (1996) Memory and objects. In: Kirkham P. (ed.) *The gendered object*. Manchester, UK: Manchester University Press: 219–224.
- Barad K. (2000) Reconciving scientific literacy as agential literacy. In: Reid R., Traweek Sh. (eds.) *Doing Culture + Science*. London: Routledge: 221–258.
- Barad K. (2003) Posthumanist performativity: Toward an understanding of how matter comes to matter. *Signs: Journal of women in culture and society*, 28(3): 801–831.
- Barad K. (2007) *Meeting the universe halfway: Quantum physics and the entanglement of matter and meaning*. Durham, Nord Carolina: Duke University Press.

Bergeron J., Paquette S., Poullaouec-Gonidec P. (2014) Uncovering landscape values and micro-geographies of meanings with the go-along method. *Landscape and Urban Planning*, 122: 108–121.

Bogdanova E. (2019) Rezhim zaboty o pozhihlyh malomobil'nyh lyudyah v periferijnyh poseleniyah: uspekhi i neudachi v preodolenii social'nogo isklyucheniya [Care regime for elderly people with limited mobility in peripheral settlements: successes and failures in overcoming social exclusion]. In: Borozdina E., Temkina A., Zdravomyslova E. (eds.) *Kriticheskaya sotsiologiya zaboty* [Critical Sociology of Care]. St. Petersburg: European University at Saint Petersburg Publ. (in Russian).

Chapman S.A. (2006) A 'new materialist' lens on aging well: Special things in later life. *Journal of Aging Studies*, 20(3): 207–216.

Elyutina M. E. (2009) Pozhilye lyudi i starye veshchi v povsednevnoj zhizni [Elderly people and old things in everyday life]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 7: 101–109 (in Russian).

Elyutina M.E., Trofimova O.A. (2017) Odinochloe prozhivanie i perezhivanie odinochestva v pozdnem vozraste [Living alone and experiencing loneliness later in life]. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki* [Journal of social policy studies], 15(1): 37–50 (in Russian).

Gehlen A. (2009) *Der Mensch. Seine Natur und seine Stellung in der Welt*. Wiebelsheim: AULA.

Gilleard C., Higgs P. (2015) Aging, embodiment, and the somatic turn. *Age, Culture, Humanities: An Interdisciplinary Journal*, 2: 17–33.

Golubeva E.Y., Danilova R.I., Kondratova E.A., Koskinen S. (2008) Vzaimodejstvie i otvetstvennost' sem'i i gosudarstva po uhodu za pozhihlym chelovekom v Rossii i Finlyandii: krosskul'turnyj kontekst [Interaction and responsibility of the family and the state to care for the elderly in Russia and Finland: cross-cultural context]. *Klinicheskaya gerontologiya* [Clinical gerontology], 14(5): 3–10 (in Russian).

Golubeva E.Y., Khabarova L.G., Solovyev A.G. (2017) Priyomnaya sem'ya kak novaya tekhnologiya uhoda v politike aktivnogo stareniya v otdalennyh severnyh territoriyah [Foster care as a new technology of care in the policy of active aging in the remote Northern territories]. *Ekologiya cheloveka* [Human Ecology], 11: 42–46 (in Russian).

Grigoryeva I.A. (2006) Social'naya politika i pozhiloe naselenie v sovremennoj Rossii: vyzovy i vozmozhnosti [Social policy and the elderly population in modern Russia: challenges and opportunities]. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [World of Russia. Sociology. Ethnology], 15(1): 29–49 (in Russian).

Grigoryeva I.A. (2018) Smena paradigmy v ponimanii stareniya [A paradigm shift in the understanding of aging]. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 16(1): 5–6 (in Russian).

Höppner G., Urban M. (2018) Where and how do aging processes take place in everyday life? Answers from a new materialist perspective. *Frontiers in Sociology*, 3(7). Doi: 10.3389/fsoc.2018.00007.

Höppner G., Urban M. (2019) Materialities of age and ageing. *Frontiers in Sociology*, 4(14). Doi: 10.3389/fsoc.2019.00014.

Irni S. (2013) The politics of materiality: Affective encounters in a transdisciplinary debate. *European Journal of Women's Studies*, 20(4): 347–360.

Kusenbach M (2003) Street phenomenology: The go-along as ethnographic research tool. *Ethnography*, 4(3): 455–485.

Latour B. (2005) *Reassembling the social: An introduction to actor-network-theory*. Oxford: Oxford University Press.

Latour B. (2015) *Pasteur: vojna i mir mikrobov, s prilozheniem "Nesvodimogo"* [The Pasterization of France]. St. Petersburg: European University at St. Petersburg Publ. (in Russian).

Law J., Vakhshayn V. (2006) Ob'ekty i prostranstva [Objects and spaces]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological review], 5(1): 30–42 (in Russian).

Mol A. (2002) *The body multiple: Ontology in medical practice*. Durham, North Carolina: Duke University Press.

Nijt T., Hejdmets M., Kruusvall Y. (eds.) (1985) *Social'no-psihologicheskie osnovy sredooobrazovaniya* [Socio-psychological foundations of environment formation]. Tallinn: Estonian Branch of the Society of Psychologists of the USSR (in Russian).

Rowe J.W., Kahn R.L. (1997) Successful aging. *The gerontologist*, 37(4): 433–440.

Rutherford B.R., Taylor W.D., Brown P.J., Sneed J.R., Roose S.P. (2017) Biological aging and the future of geriatric psychiatry. *Journals of Gerontology Series A: Biomedical Sciences and Medical Sciences*, 72(3): 343–352.

Rutkevich A.M. (2001) Teoriya institutov A. Gehlena [Theory of institutions by A. Gehlen]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological review], 1(2): 4–25 (in Russian).

Shabanov L.V. (2004) Sredovoj podhod v psihologii i ego rol' v formirovanii tolerantnyh ekologicheskikh prostranstv. [Environmental approach in psychology and its role in the formation of tolerant ecological spaces]. *Sibirskij psihologicheskij zhurnal* [Siberian psychological journal], 20: 71–75 (in Russian).

Shagidaeva A.B. (2014) Emocional'naya sfera v starosti: vozrastnye i regional'nye razlichiya [Emotional sphere in old age: age and regional differences]. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological science and education], 6(2): 102–115 (in Russian).

Sinyavskaya O. (2018) *Starenie kak social'no-ekonomicheskij fenomen* [Aging as a socio-economic phenomenon]. Report. Moscow: KGI Publ. (in Russian).

Sinyavskaya O.V. (2006) Rossijskie pensionery: v chem ih bednost' i uyazvimost'? [Russian pensioners what is their poverty and vulnerability]. *SPEPO*, 4 66–91 (in Russian).

Sivkov D.Y. (2015) Takoj raznyj ateroskleroz [Such a different atherosclerosis]. *Sociologiya vlasti* [Sociology of power], 27(1): 267–277 (in Russian).

Starodubov V.I., Schhepin O.P. (2014) *Obshchestvennoe zdorov'e i zdavoohranenie: nacional'noe rukovodstvo*. Moscow: GEOTAR-Media Publ. (in Russian).

Twigg J., Buse C.E. (2013) Dress, dementia and the embodiment of identity. *Dementia*, 12(3): 326–336.